

УДК 327.5 [470+476]

Х.С. Галстян*канд. полит. наук, доц., доц. каф. международных отношений
Ереванского государственного университета (Армения)***ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

В XXI в. важными характеристиками постмодернистского теоритико-идеологического миропонимания являются увеличение доли «неопределенностей» и рост «взаимозависимости» во всех сферах жизнедеятельности человека, тем самым выявляя объективную необходимость более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации в общественно-политической жизни современного общества.

Введение

Общественно-политическое развитие первой половины XX в. показали ограниченность и хронологическое несоответствие теоретико-концептуальных и политико-идеологических ориентиров эпохи модернизма. Речь, в частности, идет о таких возвышенных ценностях, провозглашенных обществом модерна, как абсолютизация роли научно-технического прогресса, линейность политического развития общества, широкое применение монологических форм политической коммуникации, чрезмерная рационализация человеческой деятельности и т.д. В свою очередь, по мере индустриализации общества в мире появились новые негативные тенденции и «черные дыры» развития общества: тоталитарные диктатуры, большие социальные потрясения, мировые войны и экологические катастрофы. По словам В. Библера, «уже в первой четверти XX века, в его социальных взрывах, в первой мировой войне, в назревании чудовищных тоталитарных диктатур ...иными словами – в решающих трагедиях XX века, которые, казалось бы, не имеют к культуре никакого отношения, именно в них обнаруживается и осознается роковое исчерпание и расщепление единой лестницы прогрессивного восхождения европейской цивилизации: науки – техники – материального благополучия – морали – социальной матрицы – по ступеням тех, как будто бы единственных и всеобщих ценностей, смыслов жизни» [1, с. 262].

Особенности постмодернистского дискурса на современном этапе

В этом смысле постмодернизм выступает как *suigeneris* реакция на прямолинейное мировосприятие эпохи модерна, отрицая позитивистские, технократические и рациональные основы линейного развития общества. В целом можно констатировать, что постмодернизм отражает интегральную совокупность современного постиндустриального, информационного и коммуникационного общества, который определенным образом трансформирует и всю политическую жизнь общества, выявляя все новые и новые проблемы и концептуальные подходы понимания современных реалий. В частности, одной из важных характеристик постмодернистского теоритико-идеологического миропонимания является увеличение доли неопределенностей во всех сферах жизнедеятельности человека, тем самым выявляя объективную необходимость более интенсивного применения диалоговых форм коммуникации в общественно-политической жизни современного общества.

Дело в том, что мир сегодня находится в такой стадии своего развития, которую условно можно назвать «эрой глобальных неопределенностей». Чем отличается это новое состояние? Если раньше на мега-, макроуровнях и на уровне мезополитики политическое время протекало медленно и, следовательно, более прогнозируемо, то сегодня, в первой четверти XXI в., глобализация политики, геополитические и геоэкономические

кие изменения стремительным образом меняют политическую мозаику мира, и политические процессы и изменения внутри отдельных государств и регионов происходят стремительными темпами. Без преувеличения можно сказать, что неопределенность стала естественным состоянием отражения и восприятия политической действительности. Такие трансформации временного и пространственного континуума политики, переход от традиционных подходов истолкования политических явлений и событий к модернистским и постмодернистским теориям в большей степени напоминает ситуацию, сложившуюся в естествознании между классической и квантовой механикой по поводу восприятия и объяснения объективной реальности. Сторонники классической механики представляли такую картину окружающей действительности, где не было места неопределенностям и случайностям. Все, начиная от Вселенной, и кончая человеческим обществом, находилось в причинной взаимосвязи, а Лапласовский детерминизм и концепция «машинной цивилизации» были ведущими научными парадигмами того времени. По этому поводу И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают: «Приверженцы классической науки рисовали картину мира, в которой любое событие однозначно определяется начальными условиями, задаваемыми (по крайней мере в принципе) абсолютно точно. В таком мире не было места случайности, все детали его были тщательно подогнаны и находились «в зацеплении», подобно шестерням некоей космической машины. Широкое распространение механистического мировоззрения совпало с расцветом машинной цивилизации. Бог, играющий в кости, был плохо совместим с машинным веком, который с энтузиазмом воспринимал научные теории, изображавшие Вселенную как своего рода гигантский механизм» [2, с. 14].

На самом деле до открытия основных закономерностей квантовой механики научная мысль руководствовалась законами классической механики, где на уровне макрообъектов при низких скоростях (иными словами, при медленной темпоральности политического времени) можно было в любой момент времени вычислить траекторию движения объекта в данной системе координат. А на уровне микрочастиц эти закономерности трансформируются, а в рамках теории неопределенности о траектории микроскопических единиц можно говорить только относительным образом. И это зависит не от ограниченности умственных и исследовательских возможностей человека, а, наоборот, неопределенность является вполне естественным состоянием объекта. В этом смысле надо отметить, что аналогичные изменения происходят и в сфере политики, где неопределенности становятся неотъемлемой частью, естественным состоянием политической действительности, а квантовая политика в ближайшем будущем вполне может заменить классическую политику. По точному выражению одного из ярких представителей постмодернизма Р. Барта, на современном этапе и в разных сферах жизнедеятельности общества доминируют не порядок и закон, а спонтанность и неорганизованность. Прежняя односторонняя ясность целей и средств человеческого поведения и действий заменяется разнообразием, неопределенностью и сложностью, которые со временем трудно осваиваются и оцениваются людьми [3, с. 71]. Кроме того, как полагают И. Пригожин и И. Стенгерс, открытый характер подавляющего большинства систем во Вселенной наводит на мысль о том, что реальность отнюдь не является ареной, в которой господствует порядок, стабильность и равновесие: главенствующую роль в окружающем нас мире играют неустойчивость и неравновесность [2, с. 17].

И действительно, как показывают глобальные перемены современности, даже в развитых странах Запада (не говоря уже о развивающихся) политическое, экономическое и социальное развитие вряд ли можно считать упорядоченным. Уже спустя несколько десятков лет после Второй мировой войны в этих странах наблюдались постмодернистские тенденции, которые проявлялись небывалым ростом плюрализма, альтернативности, ослаблением властной иерархии, фрагментарностью социального окру-

жения и культуры. Однако главным и, скорее, негативным итогом ушедшей эпохи было переосмысление научно-познавательных возможностей постмодернистской парадигмы как способной лишь на нигилистическую критику и не дававшей никаких позитивных ответов. В этой связи испанская исследовательница К. Видадь пишет: «В 80-е смысл был утрачен, и мы играли с означающими. Объекты, включая человека, существовали только как знаки. Стремление к бесконечности. Бессмысленная свобода. Эстетика исчезновения. Социальное дезертирство. Деидеологизация. Общественная сфера стала пустыней, где трансполитический характер, бесчеловечность нашего асоциального и поверхностного мира превратилась в эстетическую критику культуры» [4, р. 176]. А вот российский автор И. Ильин сравнивает постмодернизм с древнегреческой мифологической фигурой «химеры» [5, с. 6]. Согласно И. Ильину, «химеричность постмодерна обусловлена тем, что в нем, как в сновидении, сосуществует несоединимое: бессознательное стремление, пусть и в парадоксальной форме, к целостному и мировоззренчески-эстетическому постижению жизни, – и ясное сознание изначальной фрагментарности, принципиально несинтезируемой раздробленности человеческого опыта конца XX столетия. Противоречивость современной жизни такова, что не укладывается ни в какие умопостигаемые рамки и поневоле порождает, при попытках своего теоретического толкования, не менее фантазмагорические, чем она есть, объяснительные концепции». «Едва ли не самой влиятельной из таких концепций-химер, – заключает автор, – и является постмодернизм» [5].

Таким образом, можно констатировать, что глобальные неопределенности наряду с увеличением фактора риска в политике, социальной фрагментацией, театрализацией общественно-политических процессов, пониманием политики как текстовой коммуникации стали важными экзистенциальными характеристиками современного общества.

Основные стратегии постмодернистского диалога

Но одновременно с этими изменениями и с появлением новых реалий может возникнуть вполне логический вопрос: насколько современный человек готов физически и психологически жить и существовать в эпоху «глобальных неопределенностей»? Ведь изначально человек адаптирован к классической модели мировосприятия, т.е. жить и творить в условиях относительно стабильного, определенного и конкретного состояния. В рамках постмодернистской парадигмы, на самом деле, очень трудно однозначно ответить на этот вопрос. Дело в том, что, с одной стороны, постмодернистское мировосприятие выступает против всех, претендующих на универсализм теоретических концепций (которые неизбежно превращаются в монологизм), тем самым поощряя разного рода дискурс-диалоги в политической, экономической и социально-культурных сферах общества. А с другой стороны, отсутствие доминирующих в обществе ценностных ориентиров и их теоретико-идеологического осмысления способствует появлению таких негативных социальных явлений, как маргинализация разных социальных слоев общества, самоизоляция человека, социальное отчуждение и апатия. Именно для минимизации данных негативных последствий в рамках постмодернистских концепций делаются попытки разработки новых стратегий, направленных на повышение уровня социализации человека и социальной интеграции. Данные стратегии в основном базируются на принципах взаимности и на более широком применении диалоговых коммуникаций в общественно-политической практике современного социума. Одновременно надо заметить, что данные подходы разрабатываются и реализуются на поверхностном уровне, носят больше эклектичный, чем глубоко осмысленный характер. Именно на данное несоответствие содержания и формы постмодернистского дискурса обращает внимание В. Рахманин, вполне справедливо отмечая, что демократический диалог между государством и обществом, властью и оппозицией, капиталом и трудом подвергается мани-

пулятивной экспансии постмодернистских политических технологий [6, с. 263]. «Эти технологии создают правдоподобие демократичности политических диалогов, будучи на самом деле методом увода дискурса от реальных проблем», – пишет автор [6]. А что касается постмодернистского дискурса, по мнению российского исследователя, постмодернизм, разрывая культуру и тексты, фабрикует не диалог культур, а разноголосицу текстов. «Тексты становятся политическим товаром, которым можно спекулировать, подвергая его различным интерпретациям. Поле дискурса деформируется. Большой шанс одержать верх имеют не те, кто глубже и адекватнее выражает общественные потребности, а те, кто умеет скрыть потребительскую стоимость товара под яркой рекламной упаковкой», – заключает В. Рахманин [6]. Может, жестко сказано, но именно театрализация политической сферы жизнедеятельности общества является важной характеристикой постмодернистских реалий.

Следующий важный фактор, проявление которого напрямую связано с постмодернистскими реалиями и глобализационными процессами, условно можно назвать «эра глобальной взаимозависимости». Данный фактор особенно наглядно выражается на уровне мегаполитики. Мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. продемонстрировал во всей красе «роскошь» и «печаль» данной ситуации. Начавшись в США, кризис мгновенно распространился по всему миру, нанеся тяжелые удары экономикам многих стран мира. Можно сказать, что полностью эти потери еще не восстановлены, а экономики США, ЕС и ряда других стран до сих пор находятся в «турбулентной зоне». Конечно, мировой финансовый и экономический кризис не обошел стороной и Армению, экономика которой пострадала серьезным образом, а экономический спад на 14,5% был одним из самых высоких в мире.

Ф. Закария в своей книге «Постамериканский мир», затрагивая вопросы причин и последствий возникновения и распространения мирового кризиса, отмечает, что после Большой депрессии 30-х гг. XX столетия мир не видел такого масштабного кризиса. А этот кризис, согласно Ф. Закария, отличается тем, что он не был вызван процессами, происходящими в застойных водах «третьего мира»: он случился в центре глобального капитализма, в США, и прокладывая себе путь по артериям международной финансовой системы [7, с. 17]. Другой известный американский исследователь Н. Фергюсон, говоря о преодолении последствий мирового финансового и экономического кризиса, пишет, что односторонние шаги национальных правительств для выхода из сложившейся ситуации могут быть неэффективными и очень опасными [8]. «Сегодня, как никогда, политика “каждый сам за себя” может быть губительной», – заявляет Н. Фергюсон [8], а спасение глобализации американский автор видит в углублении сотрудничества между двумя полюсами Чимерики – США и Китая. По мнению Ф. Закария, залогом выхода из кризиса является «подъем остальных» [7, с. 18], поскольку США уже не в силах в одиночку формировать мировую политическую и экономическую повестку. «Подъем остальных – в основном экономический феномен, но переход, который мы переживаем, имеет отношение не только к деньгам. У него есть политические, военные и культурные последствия» [7, с. 18]. «Дело в том, – продолжает Ф. Закария, – что пока мы не найдем способов укрепить и расширить правила и институты глобального сотрудничества, в мире будет происходить все больше и больше кризисов, а ответная реакция правительств будет все больше запоздалой и слишком незначительной» [7, с. 23]. Таким образом, можно констатировать, что вышеупомянутые два фактора: увеличение уровней «глобальных неопределенностей» и «взаимной зависимости» – являются теми важными предпосылками, которые заставляют и на уровне мегаполитики, и на макро- и микроуровнях стимулировать механизмы сотрудничества и диалоговых коммуникаций. На самом деле, мы живем в таком мире, где совместные действия не то что возможны, а насущно необходимы.

«Пророк» конца истории и один из ведущих идеологов либерально-демократической концепции Ф. Фукуяма пишет, что в XXI в. глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится все очевиднее [9, с. 13] и что без социального взаимодействия трудно представить любую сферу человеческой жизнедеятельности. «Хотя, поступая на работу на предприятия и в организации, люди видят в этом средство удовлетворения собственных потребностей, сама деятельность неизбежно выводит их из замкнутого частного пространства и разными способами связывает их с обществом» [9, с. 19]. Такая связь с внешним миром, считает американский автор, уже не просто средство, но и важная жизненная цель. Ибо насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого [9]. «В отсутствие норм и правил, связывающих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство – состояние, названное Э. Дюркгеймом *anomie*, – и «работа» в нынешнем понимании слова есть то место, где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться», – пишет Ф. Фукуяма [9]. Согласно Э. Дюркгейму, «аномическое» состояние возникает в том случае, когда разделение труда противоречит принципам солидарности. В результате этого стихийно созданная совокупность норм и правил становится недееспособной в процессе упорядочивания отношений между общественно-политическими институтами [10]. И поэтому неслучайно, что в числе классификаций видов самоубийств Э. Дюркгейм выделяет аномическое самоубийство, интенсивность которого резко возрастает во время экономических, социально-политических кризисов и катаклизмов, когда люди не успевают адаптироваться быстрым переменам [10]. После мирового финансово-экономического кризиса мы стали свидетелями многих таких случаев аномических самоубийств, а мировая пресса пестрила заголовками и сообщениями, посвященными этой тематике.

Таким образом, можно констатировать, что в постмодернистских реалиях на жизнедеятельность человека оказывают сильное влияние два важных фактора: «глобальные неопределенности» и рост «взаимозависимости». Если воздействие первого приводит к усилению фрагментации общества, самоизоляции и отчуждению человека, то второй фактор, наоборот, способствует углублению интеграции в обществе, стимулирует поиск решения мировых глобальных, региональных и локальных проблем путем диалоговых механизмов и процедур.

В целом можно заметить, что и в постмодернистском обществе, и в политологических кругах проблема диалога становится неким «мегатрендом», грамотное и творческое использование которого действительно может стать важным рычагом реализации стратегии «умной силы» (*smart power*). В деле урегулирования международных конфликтов и кризисов в случае доминирования диалогической парадигмы резко повышается возможность применения диалоговых форм коммуникации, которая, в свою очередь, способствует установлению глобального мира и стабильности в большинстве «горячих» точек планеты. Диалогичность выстраивания взаимоотношений означает равноправность сторон и всех участников политического процесса. А это, в свою очередь, открывает новые перспективы для взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности общества. Истинный общественно-политический диалог, реальное стремление политических лидеров находить выходы из тупиковых ситуаций, рационализация конфликтных проблем и доминирование культуры политического диалога – вот единственный путь выхода человечества из постмодернистской паутины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер, В. С. От наукоучения к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Изд-во полит. лит., 1991.

2. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс : пер. с англ. / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс. – 432 с.
3. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
4. Vidal, M. C. The death of politics and sex in the eighties show / M. C. Vidal // New Literary History. – 1993. – Vol. 24. – № 1.
5. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
6. Рахманин, В. Диалог политических культур как демократический процесс / В. Рахманин // Логос. – 2005. – № 4 (49). – С. 243–252.
7. Закария, Ф. Постамериканский мир / Ф. Закария. – М. : Европа, 2009. – 280 с.
8. Ferguson, N. USA-China Cooperation Is Critical to Global Economic Health [Electronic resource] / N. Ferguson. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008>.
9. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ ; Ермак, 2004. – 730 с.
10. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд [Электронный ресурс] / Э. Дюркгейм. – М., 1994. – Режим доступа: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/index.php.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.02.2015

Galstyan H.S. The Problem of Political Dialogue in Post-modernist Discourse of Modernity

In the XXI century the main features of the post-modernist theoretical and ideological understanding of the world are the increase in the part of «uncertainty», as well as in interdependence in all spheres of human beings' life. These features reveal the necessity of more intensive implementation of the dialogue's forms of communication in the social and political life of modern society.